

Т.М. Краснянская¹, В.Г. Тылец², В.В. Иохвидов³

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МЕНТАЛЬНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ФЕНОМЕНОВ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ

¹ Московский гуманитарный университет (Россия, Москва, ул. Юности, д. 5);² Московский государственный лингвистический университет
(Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1);³ Ставропольский государственный педагогический институт
(Россия, г. Ессентуки, ул. Долина роз, д. 7)

Введение. Актуальность исследования обусловлена значимостью выявления личностных детерминант субъектного понимания проявлений экстремальности в рамках повышения эффективности реагирования на них.

Цель – установить особенности детерминации рядом психологических характеристик ментального позиционирования субъектом в пространстве безопасности базовых для него феноменов экстремальности.

Методология. Респондентами выступили 112 студентов в возрасте 19–21 года столичных и региональных вузов. В качестве методов исследования использованы ассоциативный эксперимент, субъективное шкалирование, тестирование по опроснику HEXACO-PI-R-60. Обработка эмпирического материала проводилась с использованием методов нахождения средних, процентного распределения, ранжирования, корреляционного, факторного и регрессионного анализа, χ^2 -критерия Пирсона.

Результаты и их анализ. На субъективном уровне экстремальность ассоциируется с рядом феноменов, различающихся по стереотипизированности и объективности (опасность, угроза, риск/рискованность, сложность, страх, необычность, крайность, катастрофа, чрезвычайность, ужас/ужасность, предельность, немыслимость, максимализм/максимальность, хитроумность, экстраординарность, убийство, сверхтребование, пожар, наводнение, стужа, случайность, снегопад, жара). Различаясь по оценкам по шкале опасность/безопасность, феномены экстремальности образуют структуру, включающую компоненты «катастрофа», «чрезвычайность», «угроза» и «риск». Структурные компоненты экстремальности в ментальном пространстве субъектов по своей опасности/безопасности позиционируются последовательностью катастрофа – угроза – чрезвычайность – риск в диапазоне от «скорее опасно, чем безопасно» до «безопасно». Личностные характеристики с высоким уровнем достоверности различаются по их вкладу в субъектную оценку степени опасности/безопасности структурных компонентов экстремальности. Представлены регрессионные модели оценки выборкой студентов опасности/безопасности структурных компонентов экстремальности на базе рассмотренных свойств личности. Установлено, что наиболее значимый вклад в оценку опасности/безопасности компонентов экстремальности вносят эмоциональность, добросовестность и открытость опыту.

Заключение. Знание того, что эмоциональность играет ключевую роль в оценке субъектом уровня опасности/безопасности различных феноменов экстремальности, предъявляет высокие требования к развитию системы эмоциональной саморегуляции человека. В частности, особое внимание на совершенствование соответствующей способности необходимо обращать в рамках подготовки представителей экстремальных профессий.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, опасность, безопасность, экстремальность, угроза, риск, психодиагностика.

Введение

Проблема адекватного понимания явлений окружающего мира в условиях его постоянных изменений остается актуальной для современного человека. Появление многочисленных технологических, в первую очередь,

цифровых новшеств, повышающих быстроту, доступность и качество установления связи, получения информации и обретения виртуального опыта, формирует мнение о полной «прозрачности» и подконтрольности происходящего, а следовательно, надежности текущей

✉ Краснянская Татьяна Максимовна – д-р психол. наук проф., каф. общ., соц. психологии и истории психологии, Моск. гуманит. ун-т (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, д. 5), ORCID: 0000-0002-4572-6003, e-mail: ktm8@yandex.ru;

Тылец Валерий Геннадьевич – д-р психол. наук проф., каф. психологии и пед. антропологии, Моск. гос. лингвистический ун-т (Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1), ORCID: 0000-0002-5387-6570, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru;

Иохвидов Владимир Вячеславович – канд. пед. наук доц., каф. общ. педагогики и пед. технологий, Ставропольский гос. пед. ин-т (Россия, 357635, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина роз, д. 7), ORCID: 0000-0003-2081-8005, e-mail: vlnauka@mail.ru

жизни. Переживаемое на этой основе тотальное субъектное благополучие, минимизирующее усилия, прежде всего, мыслительного плана, может провоцировать искажение параметров оценки различных факторов, смещение граней восприятия социальных процессов в их временном континууме, нивелирование значимости объективно важных и образованные ценностных доминант, ничтожных фактов и событий. В немалой степени этому способствует суггестивный потенциал массива ярких образов и установок, поставляемого популярными сетевыми источниками хаотично, в угоду их аттрактивности, или в рамках планомерных информационных кампаний, заказанных «центрами влияния». Образующиеся в итоге смысловые неточности и обесцененные риски, дезориентируя в реальности, зачастую, снижают эффективность принимаемых решений, толкают на непродуктивные и опасные поступки. В подобных обстоятельствах психологическая реконструкция и даже реабилитация понятийно-смысловой сферы человека особенно востребованы к тем ее пластам, которые связаны с выживанием, физической и психической сохранностью.

Экстремальность на сегодняшний день ассоциируется с широким кругом явлений, в значительной мере неблагоприятных для социальных субъектов именно с позиции их выживания и сохранности. Ее активное изучение средствами социологии, физиологии, психологии и других областей научного знания позволило выявить значительное разнообразие экстремальных проявлений [7, 10], представить их детерминацию [6], раскрыть этапность и закономерности протекания [2], охарактеризовать последствия на социальном и субъектном уровне [12], условия противостояния возникающему негативу [3]. При всей очевидности остается малоизученной ее связь с безопасностью человека, возникновение потребности в которой, зачастую, синхронизировано с инстинктивным замещением экстремальности различными градациями опасности. В свою очередь, достаточно интенсивные в последнее десятилетие исследования феномена безопасности, обозначив многие его аспекты (значимость социально-психологических и психологических характеристик человека [14]; превалирующую роль субъективного плана, в частности, отношений [1, 13], персональных концепций [8] и психологических ресурсов [9] личности и т.п.), также не проясняют на научном уровне его соотношение с экстремальностью, априорно помещая ее

в перечень возможных угроз. Вместе с тем, высокая функциональность каждого из феноменов делает востребованной детализацию взаимоотношений между ними, прежде всего, на ментальном уровне.

Малая изученность обозначенной предметной области в сочетании с теоретической и практической значимостью ее научного осмысления обуславливают постановку проблемы исследования: какие психологические характеристики субъекта влияют на понимание им базовых феноменов экстремальности с позиций, релевантных целям безопасности?

Цель – установить особенности детерминации рядом психологических характеристик ментального позиционирования субъектом в пространстве безопасности базовых для него феноменов экстремальности.

Материал и методы

Достижение поставленной цели осуществляли в рамках поискового эмпирического исследования, проходившего в течение 2023 г.

Респондентами на добровольной основе выступили 112 студентов в возрасте 19–21 года, обучающихся в столичных и региональных вузах (Московский гуманитарный университет, Московский государственный лингвистический университет, Российская международная академия туризма, Ставропольский государственный педагогический институт, Пятигорский государственный университет). Респонденты мотивировались самим участием в психологическом исследовании. Выборка оказалась достаточно сбалансированной по половому составу, девушек было 59 (52,7%), юношей – 53 (47,3%). Фактор половой принадлежности в этом исследовании не учитывали.

Гипотезой исследования выступило предположение, согласно которому личностные характеристики (экстраверсия, эмоциональность, доброжелательность, добросовестность и открытость опыту) различаются по позиционированию в ментальном пространстве субъектов феноменов экстремальности.

Для изучения личностных характеристик студентов использовали:

1) ассоциативный эксперимент – для сбора начального эмпирического материала, определения способности выявлять осознаваемые и неосознаваемые связи стимульного слова с другими словами, опосредованно устанавливая субъективно актуальные когнитивные признаки реалий [11]. Процессуально метод представлен процеду-

рой предъявления респондентам некоторого стимула-раздражителя (обычно слова) и продуцирования ими в ответ ассоциаций-реакций, «пришедших в голову» за некоторый промежуток времени, фиксируемых и подвергаемых далее определенному изучению. В исследовании словом-стимулом выступила категория «экстремальность». Продуцирование ассоциаций ограничивали по длительности. Инструкция респондентам: «Напишите на листе свой возраст и пол. В течение 5 мин зафиксируйте, не задумываясь над ответами, все пришедшие первыми в голову слова-существительные, которые у вас вызывают слово экстремальность». Обработка результатов предполагала построение массива понятий-ассоциаций категории «экстремальность» из тех, которые обнаружились по выборке неоднократно;

2) метод субъективного ранжирования – для соотнесения респондентами качеств некоторого набора категорий с субъективными представлениями каждого из них по предложенной исследователем оценочной шкале. В данном случае в качестве набора категорий использовали результаты предыдущего метода – полученный на конкретной выборке массив ассоциаций на слово «экстремальность». В рамках метода субъективного шкалирования респондентам предлагали оценить каждый элемент массива ассоциаций на слово «экстремальность» по оценочной шкале от 1 до 7 баллов, где 1 балл – очень опасно, 2 балла – опасно, 3 балла – скорее опасно, чем безопасно, 4 балла – сомневаюсь: и опасно, и безопасно, 5 баллов – скорее безопасно, чем опасно, 6 баллов – безопасно, 7 баллов – совершенно безопасно;

3) опросник HEXACO-PI-R-60, составленный К. Lee и М. Ashton, в русской адаптации М.С. Егоровой и О.В. Паршиковой [4]. По итогам оценки респондентами 60 утверждений по 5-балльной шкале учитывали уровень развития характеристик: честность/скромность (включающая, здесь и далее – по замыслу авторов, искренность, порядочность, равнодушие к роскоши, неприязнительность), эмоциональность (боязливость, тревожность, зависимость, чувствительность), экстраверсия (социальная самооценка, социальная смелость, общительность, жизнеспособность), доброжелательность (прощение, мягкость, гибкость, терпение), добросовестность (организованность, старательность, перфекционизм, предусмотрительность) и открытость опыту (эстетическая оценка, любознательность, креативность, нестандартность).

Эмпирические материалы качественно и количественно проанализировали с использованием методов математико-статистической статистики (нахождение средних, процентного распределения, ранжирование, методы корреляционного, факторного и регрессионного анализа, χ^2 -критерий Пирсона).

Результаты и их анализ

Ассоциативный эксперимент. Отказов в выполнении задания не было. В ответ на стимул «экстремальность» получен массив ассоциаций с общей численностью 911 элементов. Из них заданному требованию называть «пришедшие первыми в голову слова-существительные» соответствовали 902 элемента. Последние (99 % от исходного объема) и выступили объектом дальнейшего рассмотрения в качестве элементов базового массива ассоциаций на стимул «экстремальность».

При частотном анализе элементов массива установлено, что более одного раза в нем представлены следующие 23 ассоциации: опасность, угроза, риск/рискованность, сложность, страх, необычность, крайность, катастрофа, чрезвычайность, ужас/ужасность, предельность, немыслимость, максимализм/максимальность, хитроумность, экстраординарность, убийство, сверхтребование, пожар, наводнение, стужа, случайность, снегопад, жара. Очевидно, что данные ассоциации представляют собой аспекты реальности, которые субъекты в наибольшей степени связывают с проявлениями экстремальности. Их фиксация позволяет им констатировать событие экстремальности.

Содержательный анализ показывает, что значительную часть (30,4 % от базового массива) данной последовательности составили слова, относимые к синонимам категории «экстремальность»: рискованность, сложность, необычность, крайность, чрезвычайность, предельность, максимализм [5]. В современных электронных источниках к его синонимам причисляют еще больше слов, входящих в состав полученных ассоциаций (47,8 %): сложность, необычность, ужасность, крайность, чрезвычайность, предельность, немыслимость, максимальность, хитроумность, экстраординарность. Представление данных слов в составе ассоциаций заданной категории указывает на присутствие в сознании респондентов значительной доли социальных стереотипов относительно проявлений экстремальности (назовем «ассоциации-стереотипы»). Вместе

с тем, то, что некоторые из представленных в словарях синонимов категории «экстремальность» по выборке названы не были (например, убийственность, тернистость, экстренность), указывает на субъективную избирательность присвоения респондентами соответствующих предметных стереотипов.

Остальные элементы полученной последовательности (52,2%) можно рассматривать субъективными ассоциациями исключительно для конкретной выборки (назовем «чистые ассоциации»). Часть из них обладают некоторой более или менее выраженной оценочной природой (опасность, угроза, страх, катастрофа, сверхтребование, случайность), часть – обозначают события, «выпадающие» из контекста повседневной жизнедеятельности (убийство, пожар, наводнение, стужа, снегопад, жара).

В целом, можно констатировать неоднородность построенного массива субъектных ассоциаций на категорию «экстремальность», что свидетельствует о сложности ее субъективного восприятия, выходящего за рамки социальных стереотипов и приобретающего индивидуальную окраску.

Субъективное шкалирование. По итогам предыдущего метода наиболее часто называемая ассоциация «опасность» (n = 110) в методике субъективного шкалирования далее выступила полюсом оценивания, остальные 22 ассоциации были подвергнуты процеду-

ре субъективного оценивания по 7-балльной шкале степени опасность/безопасность соответствующих им явлений (от 1 – очень опасно до 7 – совершенно безопасно). Помимо средних оценок, представлено ранжирование ассоциаций по возрастанию уровня безопасности: 1-й ранг – самый опасный, 22-й ранг – самый безопасный на субъективном уровне (табл. 1).

Факторный анализ (центроидный метод) оценок ассоциаций категории «экстремальность», выставленных по шкале опасность/безопасность, позволил выделить структуру, состоящую из 4 основных униполярных факторов (68,4% от всей дисперсии). В табл. 2 сведены факторные нагрузки. 1-й фактор, названный «Катастрофа», содержал понятия с 22,1% от общей дисперсии, 2-й – «Чрезвычайность» – 18,5%, 3-й – «Угроза» – 15,9%, 4-й – «Риск» – 11,8%.

Итак, исходная категория «экстремальность» по степени опасность/безопасность соответствующего феномена на субъектном уровне структурно представлена четырьмя смысловыми группами категорий (факторами), которые могут быть условно названы «Катастрофа», «Чрезвычайность», «Угроза» и «Риск». По сути, данные факторы обнаруживают собой базовые для субъектов аспекты (феномены) экстремальности. Содержательный анализ выделившихся факторов пока-

Таблица 1

Частота встречаемости средних оценок ассоциаций категории «экстремальность» у студентов и их ранги

Ассоциация	Частота	(M ± m) балл	Ранг
Ужас/ужасность	28	1,6 ± 0,2	1-й
Убийство	3	1,8 ± 0,5	2-й
Пожар	2	2,0 ± 0,6	3-й
Катастрофа	63	2,1 ± 0,9	4-й
Угроза	108	2,2 ± 0,7	5-й
Стужа	2	2,6 ± 0,3	6-й
Немыслимость	9	2,9 ± 1,3	7-й
Наводнение	2	3,1 ± 0,5	8-й
Чрезвычайность	42	3,7 ± 1,5	9-й
Сверхтребование	2	3,8 ± 0,4	10-й
Необычность	81	4,0 ± 1,1	11-й
Жара	2	4,1 ± 1,2	12-й
Экстраординарность	3	4,4 ± 0,2	13-й
Предельность	14	4,5 ± 0,9	14-й
Снегопад	2	4,7 ± 1,2	15-й
Риск/рискованность	105	4,8 ± 1,2	16–17-й
Случайность	2	4,8 ± 0,9	16–17-й
Максимализм/максимальность	8	5,0 ± 1,1	18-й
Страх	86	5,1 ± 0,3	19-й
Хитроумность	5	5,2 ± 1,4	20-й
Сложность	97	5,3 ± 0,8	21-й
Крайность	74	5,4 ± 0,8	22-й

Таблица 2

Факторные нагрузки понятий в категории «экстремальность»

1-й фактор		2-й фактор		3-й фактор		4-й фактор	
Понятие	Вес	Понятие	Вес	Понятие	Вес	Понятие	Вес
Катастрофа	0,921	Чрезвычайность	0,905	Страх	0,895	Риск/рискованность	0,872
Ужас/ужасность	0,304	Сверхтребование	0,877	Угроза	0,881	Хитроумность	0,847
Немыслимость	0,867	Крайность	0,863	Наводнение	0,884	Необычность	0,840
Убийство	0,854	Максимализм/ максимальность	0,830	Пожар	0,850	Случайность	0,806
Экстраординарность	0,838	Стужа	0,812	Сложность	0,821		
Предельность	0,802	Жара	0,802	Снегопад	0,798		
Доля дисперсии, %	22,1	Доля дисперсии, %	18,5	Доля дисперсии, %	15,9	Доля дисперсии, %	11,8

зывает сочетанную представленность в них ассоциаций-стереотипов и чистых ассоциаций, что позволяет прогнозировать их связь с личностными особенностями респондентов. При этом наиболее стереотипизированное содержание обнаруживается по факторам «Катастрофа» и «Риск», наименее – «Чрезвычайность» и «Угроза». Феномены катастрофы и чрезвычайности, как аспекты экстремальности, имеющие четкие параметры идентификации, могут рассматриваться наиболее объективными, а феномены риска и угрозы, зависящие от занятой индивидом позиции, – более субъективными.

Субъектные оценки компонентов факторов затем были суммированы по каждому из них, а далее вычислены средние факторов: катастрофа – 2,9 балла, чрезвычайность – 4,1 балла, угроза – 3,7 балла, риск – 4,7 балла. По итогам вычислений была визуализирована следующая последовательность ментального позиционирования базовых категорий-феноменов экстремальности по шкале «опасность – безопасность»: опасность → катастрофа → угроза → чрезвычайность → риск → безопасность.

Опираясь на полученное распределение, констатируем, что структурные категории экстремальности, исходя из базовой для нашего исследования 7-балльной шкалы оценивания, позиционируются в диапазоне от «скорее опасно, чем безопасно» до «безопасно». Вполне ожидаемо наиболее опасной по выборке расценивается группа феноменов экстремальности, на смысловом уровне объединенных базовым понятием «Катастрофа». Самый высокий уровень опасности, как представляется, им приписан в силу безвозвратности последствий (убийство), нахождения за рамками рациональности (немыслимость, экстраординарность, предельность) и максимального негатива актуализированных эмоций (ужас/ужасность).

Следующим по опасности на выстроенной шкале выступила категория «Угроза», вероятно, в силу значительного ментального (сложность) и эмоционального (страх) давления, оказываемого соответствующими ей проявлениями экстремальности на субъектов. Кроме того, категория объединила ряд феноменов, опасность которых почти ежедневно демонстрируется респондентам в репортажах средств массовой информации со всего мира (наводнение, пожар, снегопад), что не может не влиять на их оценку соответствующим образом.

Группа проявлений экстремальности, объединенных категорией «Чрезвычайность», оказалась в пограничной зоне шкалы опасность/безопасность с незначительным сдвигом в сторону безопасности, возможно, в силу появления для них элементов подконтрольности. Об этом свидетельствует появление ограничивающих их условий (сверхтребование, максимализм/максимальность, крайность). Кроме того, данная группа экстремальности включает в себя, хоть и запредельные, но конкретные явления (стужа, жара), что на ментальном уровне способно усилить потенциал безопасности.

Наиболее близкой к уровню безопасности оказалась группа феноменов экстремальности, объединенных категорией «Риск». Можно предположить, что сдвиг этих феноменов в сторону безопасности в ментальном пространстве субъектов обусловлен неясностью обстоятельств, предшествующих (случайность) и сопровождающих (необычность) такие проявления экстремальности. Кроме того, они предполагают возможность нивелирования опасности при использовании определенных личностных свойств (хитроумность).

Таким образом, феномены экстремальности характеризуются неоднородностью распределения по шкале опасность/безопасность в ментальном пространстве респондентов. Выясним вопрос их личностной детерминированности.

Таблица 3

Распределение статистически значимых корреляций личностных черт по опроснику HEXACO-PI-R-60 и феноменов экстремальности по результатам факторизации

Шкала по опроснику HEXACO-PI-R-60	Феномен экстремальности							
	катастрофа		чрезвычайность		угроза		риск	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Честность/скромность	1	17	1	17	2	33	1	25
Эмоциональность	5	83	4	67	2	33	1	25
Экстраверсия	3	50	2	33	5	83	3	75
Доброжелательность	2	33	2	33	1	17	2	50
Добросовестность	5	50	5	83	3	50	1	25
Открытость опыту	1	17	2	33	4	67	3	75

Тестирование. Опросник HEXACO-PI-R-60 позволил оценить развитие следующих черт личности респондентов: честность/скромность (3,9 балла), эмоциональность (3,1), экстраверсия (2,7), доброжелательность (2,9), добросовестность (3,3) и открытость опыту (3,0).

Распределения по выборке баллов, характеризующих развитие данных черт личности, и субъективных оценок базовых компонентов феномена экстремальности (см. табл. 2) – катастрофа (6 качеств), чрезвычайность (6), угроза (6) и риск (4) соотнесены процедурой корреляционного анализа. В табл. 3 представлено распределение статистически значимых связей ($p \leq 0,05$).

Сопоставление полученных распределений с использованием непараметрического критерия Пирсона дало $\chi^2_{Эмп} = 172,223$, что позволяет признать расхождения между ними статистически значимыми на уровне $p \leq 0,01$ (при $v = 15$, $\chi^2_{0,05} = 24,996$, $\chi^2_{0,01} = 30,578$). Таким образом, рассматриваемые черты личности с высоким уровнем достоверности различаются по их вкладу в субъективную оценку степени опасности/безопасности феноменов-компонентов экстремальности. Следует указать, что в феномен экстремальности «катастрофа» вносит значительный вклад показатель эмоциональность, найденный по опроснику HEXACO-PI-R-60, в феномен «чрезвычайность» – добросовестность и эмоциональность, «угроза» и «риск» – экстраверсия и открытость опыту, что далее будет проанализировано более подробно.

Содержательный анализ распределения (см. табл. 3) показывает, в частности, что эмоциональность в наибольшей степени (5 из 6 качеств) определяет оценку опасности/безопасности компонентов экстремальности, объединенных в фактор «Катастрофа». Тесная связь данного рода может объясняться интеграцией эмоциональности, согласно авторам опросника HEXACO-PI-R-60, таких личностных

черт, как боязливость, тревожность, зависимость, чувствительность, эмоциональная насыщенность которых позволяет увеличивать трагичность экстремальности до уровня катастрофы в единстве составляющих ее ассоциаций (ужас/ужасность, немыслимость, убийство, экстраординарность, предельность).

Экстраверсия, как личностная характеристика, объединяющая просоциальные черты социальной самооценки, смелости, общительности, жизнеспособности, наиболее информативно связана с компонентами экстремальности, объединенными в факторы «Угроза» (5 из 6 качеств) и «Риск» (3 из 4 качеств). Можно предположить, что просоциальность экстраверсии позволяет носителям данной черты приобретать опыт точной оценки угроз и рисков окружающего мира. Так, в частности, могут быть прослежены следующие параллели экстраверсии и риска: социальная смелость – риск/рискованность, общительность – хитроумность, жизнеспособность – необычность.

Добросовестность наиболее «плотно» связана с оценкой компонентов экстремальности, объединенных в фактор «Чрезвычайность» (5 из 6 качеств). Возможно, свойственные этой характеристике черты (организованность, старательность, перфекционизм, предусмотрительность) делают субъекта более восприимчивым к таким ассоциациям экстремальности, как чрезвычайность, сверхтребование, крайность, максимализм/максимальность, образующим фактор «Чрезвычайность».

Открытость опыту в наибольшей мере определяет оценку уровня опасности/безопасности компонентов экстремальности, объединенных в фактор «Риск» (3 из 4 качеств). Такой результат можно объяснить подобностью содержательных компонентов рассматриваемого фактора (хитроумность, необычность, случайность) и составляющих открытости опыту (любопытность, креативность, нестандартность).

Таким образом, можно констатировать, что оценка компонентов экстремальности в параметрах опасность/безопасность связана с рассмотренными личностными характеристиками.

Задача определения вклада каждой из рассматриваемых личностных черт в оценку уровня опасности/безопасности феноменов экстремальности решалась с помощью многомерного регрессионного анализа методом построения регрессионной модели оценки каждого структурного компонента экстремальности на базе личностных черт, подтвердивших взаимосвязь с ними. При этом коэффициенты регрессии выступили индикаторами валидности каждой из подсистем по отношению к оценке опасности/безопасности каждого компонента экстремальности. Получающееся в итоге уравнение регрессии является математической моделью субъективной оценки феноменов-компонентов экстремальности, обладающей определенной прогностической способностью.

Регрессионные модели оценки, заданной выборкой опасности/безопасности структурных компонентов экстремальности, имеют вид:

$$\text{катастрофа} = 0,072 \cdot X_1 + 0,312 \cdot X_2 + 0,151 \cdot X_3 + 0,144 \cdot X_4 + 0,203 \cdot X_5 + 0,118 \cdot X_6;$$

$$\text{чрезвычайность} = 0,041 \cdot X_1 + 0,296 \cdot X_2 + 0,147 \cdot X_3 + 0,110 \cdot X_4 + 0,211 \cdot X_5 + 0,195 \cdot X_6;$$

$$\text{угроза} = 0,024 \cdot X_1 + 0,283 \cdot X_2 + 0,123 \cdot X_3 + 0,115 \cdot X_4 + 0,209 \cdot X_5 + 0,246 \cdot X_6;$$

$$\text{риск} = 0,044 \cdot X_1 + 0,291 \cdot X_2 + 0,110 \cdot X_3 + 0,141 \cdot X_4 + 0,199 \cdot X_5 + 0,215 \cdot X_6;$$

где X_1 – честность/скромность, X_2 – эмоциональность, X_3 – экстраверсия, X_4 – доброжелательность, X_5 – добросовестность, X_6 – открытость опыту.

Анализ коэффициентов полученных моделей показывает, что при оценивании всех феноменов-компонентов экстремальности наиболее значимыми оказались развитие эмо-

циональности, добросовестности и открытости опыту респондентов. Именно они, согласно распределению коэффициентов регрессии, в наибольшей степени связаны с оценкой компонентов экстремальности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы:

1) экстремальность на ментальном уровне позиционируется комплексом феноменов, структурируемых категориями «Катастрофа», «Чрезвычайность», «Угроза», «Риск» и различающихся по своей стереотипизированности и объективности;

2) структурные компоненты экстремальности неоднородно распределены в ментальном пространстве субъектов по шкале опасность/безопасность, образуя на ней последовательность: катастрофа, угроза, чрезвычайность, риск;

3) субъектное оценивание структурных компонентов экстремальности связано с личностными характеристиками. Наибольший вклад в их оценку по шкале опасность/безопасность вносит эмоциональность личности, а также ее добросовестность и открытость опыту.

Таким образом, экстремальность, будучи сложным феноменом, представлена на ментальном уровне некоторой структурой, восприятие уровня опасности/безопасности элементов которой связано с характеристиками субъекта оценки. Знание того, что эмоциональность при этом наиболее значима, обращает внимание на состояние системы саморегуляции субъекта взаимодействия с различными проявлениями экстремальности. Именно эту психологическую особенность необходимо особо учитывать в рамках подготовки, в частности, представителей экстремальных профессий.

Литература

1. Альперович В.Д. «Я» человека сквозь призму теории отношений, сценарного и нарративного подходов: сравнительный анализ // Познание и переживание. 2023. Т. 4, № 2. С. 20–37. DOI: 10.51217/sosexp_2023_04_02_02.
2. Аринушкина Н.С., Бабаева М.В. Особенности проявления психологической безопасности и социально-психологической адаптации иностранных студентов // Человеческий капитал. 2023. № 12-2 (180). С. 259–264. DOI: 10.25629/HC.2023.12.65.
3. Ащепков Е.Е. Готовность к принятию рискованных решений как профессиональное качество лидера в современных геополитических условиях // Мировые цивилизации. 2023. Т. 8, № 1. С. 28–37.
4. Егорова М.С., Паршикова О.В. Адаптация опросника HEXACO-PI-R на российской выборке // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса : сб. материалов III всерос. конф. / под ред. Н.А. Батурина. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2015. Т. 1. С. 129–134.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [В 2 т.]. М.: Рус. язык, 2000. Т. 2: П–Я. 1084 с.

6. Качимская А.Ю. Оценивание школьниками психологического насилия в коммуникативном пространстве взаимодействия с педагогом // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 3. С. 26.
7. Кошенова М.И., Волохова В.И. К вопросу о взаимосвязи темпоральной компетентности и психологических границ личности // Сиб. пед. журн. 2016. № 6. С. 96–100.
8. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Персональные концепции безопасности студентов-юристов // Психология и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 108–118. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130308>.
9. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Психологические ресурсы безопасности личности с различным опытом экстремальности // Мед.-биол. и соц.-психол. пробл. безопасности в чрезв. ситуациях. 2015. № 2. С. 100–107.
10. Краснянская Т.М., Тылец В.Г., Иохвидов В.В. Концепция личной безопасности как психолого-криминологический фактор самообороны // Всерос. криминологич. журн. 2018. Т. 12, № 6. С. 826–835. DOI: [10.17150/2500-4255.2018.12\(6\).826-835](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835).
11. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. II. 320 с.
12. Лепехин Н.Н., Круглов В.Г., Круглова М.А. [и др.]. Диспозиционные предикторы конфликтоустойчивости студентов // Соц. психология и общество. 2023. Т. 14, № 1. С. 92–110. DOI: [10.17759/sps.2023140106](https://doi.org/10.17759/sps.2023140106).
13. Маралов В.Г., Маралова Т.П. Психологические особенности взаимосвязи отношения к опасностям с отношением к людям у студентов // Ярославский пед. вестн. 2022. № 2 (125). С. 96–105. DOI: [10.20323/1813-145X-2022-2-125-96-105](https://doi.org/10.20323/1813-145X-2022-2-125-96-105).
14. Погодаева М.В., Никулина Т.И., Чепурко Ю.В., Митина Ю.В. Социометрический статус подростка и его тревожность как показатели уровня психологической безопасности // Обзор пед. исслед. 2023. Т. 5, № 5. С. 68–73.

Поступила 25.02.2024

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией статьи.

Вклад авторов: Т.М. Краснянская – разработка концепции исследования и написание статьи; В.Г. Тылец – анализ и интерпретация данных, утверждение окончательного варианта статьи; В.В. Иохвидов – сбор данных и редактирование статьи.

Для цитирования. Краснянская Т.М., Тылец В.Г., Иохвидов В.В. Личностные детерминанты ментального позиционирования феноменов экстремальности // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2024. № 1. С. 56–64. DOI: [10.25016/2541-7487-2024-0-1-56-64](https://doi.org/10.25016/2541-7487-2024-0-1-56-64)

Personal determinants of extreme phenomena mental positioning

Krasnianskaya T.M.¹, Tylets V.G.², Iokhvidov V.V.³

¹Moscow University for the Humanities (5, Yunosti Str., Moscow, 111395, Russia)

²Moscow State Linguistic University (buil. 1, 38, Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia)

³Stavropol State Pedagogical Institute (7, Valley of Roses Str., Yessentuki, Stavropol Territory, 357635, Russia)

✉ Tatyana Maksimovna Krasnyanskaya – Dr. Psychol. Sci. Prof., department of general, social psychology and history of psychology, Moscow university for the humanities (5, Yunosti Str., Moscow, 111395, Russia), ORCID: 0000-0002-4572-6003, e-mail: ktm8@yandex.ru;

Valery Gennadievitch Tylets – Dr. Psychol. Sci. Prof., department of phonetics and grammar of the French language, professor of the department of psychology and pedagogical anthropology, Moscow state linguistic university (build. 1, 38, Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia), ORCID: 0000-0002-5387-6570, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru;

Vladimir Viachislavovich Iokhvidov – PhD Ped. Sci. Associate Prof., department of general pedagogy and pedagogical technologies, Stavropol state pedagogical institute (7, Valley of Roses Str., Yessentuki, Stavropol Territory, 357635, Russia), ORCID: 0000-0003-2081-8005, e-mail: vl наука@mail.ru

Abstract

Relevance. The relevance of the study is justified by the demand to identify personal determinants of individual perception of extreme manifestations in order to improve the efficiency of response.

The objective is to establish the determining parameters based on a set of psychological characteristics, reflecting the subject's mental positioning in the security setting of what they consider major extreme phenomena.

Methods. The respondents included 112 students aged 19 to 21 years studying in Moscow and regional universities. Research methods included associative experiment, individual scaling, and HEXACO-PI-R-60 questionnaire testing. Empirical data was processed by calculation of mean values, percentage distribution, ranking, as well as methods of correlation, factor and regression analysis, and the Pearson's chi-squared test.

Results and analysis. From the individual perspective, extreme scenarios are associated with specific phenomena that differ in stereotyping and objectivity (danger, threat, risk/riskiness, complexity, fear, strangeness, extreme, catastrophe, extreme, horror/ awful, threshold, implausibility, maximalism / maximality, ingenuity, extraordinary, murder, excessive demand,

fire, flood, cold, accident, snowfall, heat). Considering the differences in the assessments on danger/safety scale, the structure of extreme phenomena includes such components as “catastrophe”, “emergency”, “threat”, and “risk”. The respondents’ mind positions the structural components of extreme scenarios by the degree of danger/safety, thus producing the following sequence: disaster – threat – emergency – risk, ranging them from “highly dangerous and unsafe” to “safe”. Individual characteristics of high reliability level contribute differently to individual assessment of the structural components constituting extreme phenomena in terms of the degree of danger/safety. Regression models were used to analyze the students’ danger/safety assessment of the structural components based on particular personality traits. The result showed that emotions, awareness, and preparedness to acquire experience contributed most significantly to the assessment of extreme phenomena in terms of danger/safety.

Conclusion. It is well known, that emotions play a key role in an individual’s ability to assess the level of danger/safety with regard to various extreme phenomena. This evidence makes it a critical imperative to develop individual emotional self-regulation abilities. In particular, nurturing the necessary ability in the promising representatives of extreme professions requires specific focus.

Key words: emergency, danger, safety, extreme, threat, risk, psychodiagnostics.

References

1. Al’perovich V.D. «Ya» cheloveka skvoz’ prizmu teorii otnoshenii, stsenarnogo i narrativnogo podkhodov: sravnitel’nyi analiz [The “I” of a person through the prism of relationship theory, scenario and narrative approaches: comparative analysis]. *Poznanie i perezhivanie* [Cognition and experience]. 2023; 4(2):20–37. DOI: 10.51217/cogexp_2023_04_02_02 (In Russ.)
2. Arinushkina N.S., Babaeva M.V. Osobennosti proyavleniya psikhologicheskoi bezopasnosti i sotsial’no-psikhologicheskoi adaptatsii inostrannykh studentov [Features of psychological safety and socio-psychological adaptation of foreign students]. *Chelovecheskii kapital* [Chelovecheskij kapital]. 2023; (12-2):259–264. DOI: 10.25629/HC.2023.12.65 (In Russ.)
3. Ashchepkov E.E. Gotovnost’ k prinyatiyu riskovannykh reshenii kak professional’noe kachestvo lidera v sovremennykh geopoliticheskikh usloviyakh [Willingness to take risky decisions as a professional quality of a leader in modern geopolitical conditions]. *Mirovye tsivilizatsii* [World Civilizations]. 2023; 8(1):28–37. (In Russ.)
4. Egorova M.S., Parshikova O.V. Adaptatsiya oprosnika HEXACO-PI-R na rossiiskoi vyborke [Adaptation of the HEXACO-PI-R questionnaire on a Russian sample]. *Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii. Preodolenie krizisa*. [Modern psychodiagnostics of Russia. Overcoming the crisis]: Scientific. Conf. Proceedings. Chelyabinsk. 2015; 1:129–134. (In Russ.)
5. Efremova T.F. Novyi slovar’ russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel’nyi [A new dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation]. Moscow 2000. Vol. 2: P–Ya. 1084 p. (In Russ.)
6. Kachimskaya A.Yu. Otsenivanie shkol’nikami psikhologicheskogo nasiliya v kommunikativnom prostranstve vzaimodestviya s pedagogom [Evaluation of psychological violence by schoolchildren in the communicative space of interaction with a teacher]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [The world of science. Pedagogy and psychology]. 2023; 11(3):26. (In Russ.)
7. Koshenova M.I., Volokhova V.I. K voprosu o vzaimosvyazi temporal’noi kompetentnosti i psikhologicheskikh granits lichnosti [To the question of interrelation of temporal competence and psychological borders of the personality]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. 2016; (6):96–100. (In Russ.)
8. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. Personal’nye kontseptsii bezopasnosti studentov-yuristov [Personal concepts of security of law students]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. 2023; 13(3):108–118. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130308> (In Russ.)
9. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. Psikhologicheskie resursy bezopasnosti lichnosti s razlichnym opytom ekstremal’nosti [Psychological resources of personal security with various experiences of extremity]. *Mediko-biologicheskie i sotsial’no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiyakh* [Biomedical and socio-psychological problems of safety in emergency situations]. 2015; (2):100–107. (In Russ.)
10. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G., Iokhvidov V.V. Kontseptsiya lichnoi bezopasnosti kak psikhologo-kriminologicheskii faktor samoozorony [The concept of personal security as a psychological and criminological factor of self-defense]. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Journal of Criminology]. 2018; 12(6):826–835. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835 (In Russ.)
11. Leont’ev A.N. Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya [Selected psychological works]. Moscow. 1983. Vol. II. 320 p. (In Russ.)
12. Lepekhin N.N., Kruglov V.G., Kruglova M.A. [et al.]. Dispozitsionnye prediktory konfliktoustoichivosti studentov [Dispositional predictors of students’ conflict tolerance]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and Society]. 2023; 14(1):92–110. DOI: 10.17759/sps.2023140106 (In Russ.)
13. Maralov V.G., Maralova T.P. Psikhologicheskie osobennosti vzaimosvyazi otnosheniya k opasnostyam s otnosheniem k lyudyam u studentov [Psychological features of the relationship between the attitude to dangers and the attitude to people among students]. *Yaroslavskii pedagogicheskii Vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2022; (2):96–105. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-2-125-96-105 (In Russ.)
14. Pogodaeva M.V., Nikulina T.I., Chepurko Yu.V., Mitina Yu.V. Sotsiometricheskii status podrostka i ego trevozhnost’ kak pokazately urovnya psikhologicheskoi bezopasnosti [Sociometric status of a teenager and his anxiety as indicators of the level of psychological safety]. *Obzor pedagogicheskikh issledovaniy* [Review of pedagogical research]. 2023; 5(5):68–73. (In Russ.)

Received 25.02.2024

For citing: Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G., Iokhvidov V.V. Lichnostnye determinanty mental’noy pozitsionirovaniya fenomenov jekstremal’nosti. *Mediko-biologicheskie i sotsial’no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiyakh*. 2024; (1):56–64. (In Russ.)

Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G., Iokhvidov V.V. Personal determinants of extreme phenomena mental positioning. *Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2024. 2024; (1):56–64. DOI: 10.25016/2541-7487-2024-0-1-56-64